

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

БИБЛЕИСТИКА

«ПРОТИВОРЕЧИЯ» В ЕВАНГЕЛЬСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНЕРАТИВНОЙ НАРРАТОЛОГИИ

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия

кандидат филологических наук

доцент кафедры филологии Московской духовной академии

доцент кафедры библеистики Московской духовной академии

141300, Московская область, Сергиев Посад, Троице-Сергиева

Лавра, Академия

baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* «Противоречия» в евангельском повествовании через призму генеративной нарратологии // Богословский вестник. 2023. № 2 (49). С. 18–37. DOI: 10.31802/GB.2023.49.2.001

Аннотация

УДК 27-277.2 (82.01/09)

В настоящей статье автор предпринимает попытку разрешить кажущиеся противоречия, которые возникают между евангельскими повествованиями, при помощи инструментов нарративной критики. В основу решения положено базовое положение нарратологии, согласно которому рассказ о произошедшем событии не есть само событие. Повествование возникает в результате интерпретационной активности авторского сознания, которое обрабатывает действительность с целью её концептуализации. Используются наработки генеративной нарратологии, которые помогают выявить основные этапы этого процесса: «происходящее», «событие», «факт», «знак». В итоге автор сосредотачивается на двух генеративных уровнях нарратива, таких как «событие»

и «факт». Отмечается, что для перехода от «события» к «факту» значимыми являются те герменевтические операции, в результате которых повествование приобретает размерность, конкретность, целостность. Наблюдение за особенностями этих параметров в рамках евангельского нарратива помогает объяснить ряд кажущихся противоречий между версиями евангелистов.

Ключевые слова: Евангелия, разногласия, противоречия, нарративный анализ, нарратив, прагматика текста, синоптическая проблема.

«Contradictions» in the Gospel Narrative Through the Prism of Generative Narratology

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Biblical studies at the Moscow Theological Academy

Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. "‘Contradictions’ in the Gospel Narrative Through the Prism of Generative Narratology". *Theological Herald*, no. 2 (49), 2023, pp. 18–37 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.49.2.001

Abstract. In this article, the author attempts to resolve the apparent contradictions that arise between the gospel narratives using the tools of narrative criticism. The decision is based on the basic position of narratology, according to which the story of an event that happened is not the event itself. The narrative arises as a result of the interpretative activity of the author's consciousness, which processes reality in order to conceptualize it. The developments of generative narratology are used, which help to identify the main stages of this process: «happening», «event», «fact», «sign». As a result, the author focuses on two generative levels of the narrative, such as «event» and «fact». It is noted that for the transition from «event» to «fact», those hermeneutic operations are significant, as a result of which the narrative acquires such characteristics as dimension, concreteness, integrity. Observing the peculiarities of these parameters within the framework of the gospel narrative helps to explain a number of apparent contradictions between the versions of the evangelists.

Keywords: Gospels, disagreements, contradictions, narrative analysis, narrative, text pragmatics, synoptic problem.

Постановка проблемы

Сравнивая между собой евангельские повествования, можно заметить, что об одних и тех же событиях они нередко говорят по-разному. В первую очередь, это видно при сопоставлении друг с другом синоптических Евангелий. Ничего удивительного в этом нет, ведь перед нами свидетельства разных людей. Вопросы возникают тогда, когда рассказы видимым образом вступают друг с другом в некоторые противоречия, например, сколько же на самом деле было бесноватых в стране Гадаринской: два, как у Матфея (см. Мф. 8, 28–34), или один, как у Луки (см. Лк. 8, 26–39) и Марка (см. Мк. 5, 1–20). Особенно болезненно воспринимаются те случаи разночтений, когда верной может быть лишь одна версия события, но не обе. Например, в какой последовательности сатана искушал Христа: предлагал сначала сброситься с крыла храма, а потом возвёл на гору, как у Матфея (см. Мф. 4, 1–11), или наоборот — как у Луки (см. Лк. 4, 1–13)? Имела ли место личная встреча Христа и сотника, как говорит Матфей (см. Мф. 8, 5–13), или её не было, как говорит Лука (см. Лк. 7, 1–10)? Когда засохла проклятая Христом смоковница: тотчас, как у Матфея (см. Мф. 21, 19.20), или только на следующее утро, как у Марка (см. Мк. 11, 12–14.20.21)? Когда разодралась церковная завеса: до смерти Христа, как у Матфея (см. Мф. 27, 50.51) и у Марка (см. Мк. 15, 37.38), или после Его смерти, как у Луки (см. Лк. 23, 45.46)?

Согласование евангельских повествований — это задача, которая издревле стоит перед христианскими учёными (можно вспомнить о фундаментальной работе блж. Августина «О согласии евангелистов»). Для её решения исследователи использовали и до сих пор используют весь доступный им научный гуманитарный арсенал. В первую очередь, речь идёт об историческом и филологическом подходах к тексту Писания.

Если цель исторического подхода — реконструкция реальности, которая стоит за текстом, то цель филологического — реконструкция реальности текста. Используя метафору, можно представить, что для историка Писание — это окно, через которое он смотрит на внешний мир, для филолога — это зеркало. Анализ для него — это погружение в язык и повествование, а понимание — результат встречи читателя с самим текстом.

Нередко, когда речь идёт о проблеме согласования евангельских повествований, учёные прибегают именно к историческому подходу. Их основная цель — воссоздать непротиворечивую историю жизни Христа.

При этом источником информации для них становится не только сам евангельский текст, но и другие внешние свидетельства, а также культурно-исторический контекст библейских событий. Вот как пишет епископ Михаил (Лузин) относительно повествований об обстоятельствах воскресения Христа: «Все разности... удобно примиряются и возводятся к согласному повествованию при правильном сопоставлении их и при немногих вероятных предположениях, основанных на самых сказаниях евангельских и на свидетельствах христианской древности. Выходит, что это разности не разногласия, а взаимного восполнения евангельских сказаний, из правильного сопоставления которых слагается полная история рассматриваемых»¹.

Не отрицая силу и признавая достижения исторического подхода в решении проблемы «противоречий» между евангельскими повествованиями, хотелось бы в настоящей статье продемонстрировать тот потенциал, которым обладает для решения этой проблемы литературный анализ текста Писания, а именно такая его разновидность, как нарративная критика. Нарративная критика изучает закономерности, по которым живёт повествование. Здесь речь не идёт о том, чтобы реконструировать действительность за текстом и ответить на вопрос: а как же всё произошло на самом деле? Фокус исследователей сосредоточен на тех характеристиках, которыми обладает нарратив сам по себе. Применяя этот подход к евангельской истории, мы можем увидеть в ней такие особенности, которые могут помочь частично снять противоречия между евангелистами без обращения к культурно-историческому контексту и другим внешним свидетельствам.

**Тезис 1. Рассказ о событии, это не само событие,
но его интерпретация**

Реальность, о которой мы хотим рассказать (произошедшие события), определённым образом обрабатывается нашим сознанием. Эта интерпретация начинается уже на уровне перцепции. Мы воспринимаем происходящее через систему рецепторов (фоторецепторы, хеморецепторы, механорецепторы, осморорецепторы, терморорецепторы, болевые рецепторы). У каждого из нас эта система уникальна. В философии и психологии идут дискуссии вокруг понятия «квалиа». Квалиа — то, как вещи выглядят для каждого из нас.

1 Михаил (Лузин), архим. О Евангелиях и евангельской истории. По поводу книги «Жизнь Иисуса» соч. Э. Ренана. Москва, 1870. С. 306–307.

Нарратология учитывает этот момент. И одна из решаемых ею задач — описать алгоритм взаимодействия реальности и сознания, в результате которого возникает текст (этим занимается генеративная нарратология).

Опираясь на идеи и понятийно-терминологический аппарат Л. Витгенштейна, выраженные в его «Логико-философском трактате», А. В. Глазков выделяет несколько этапов трансформации реальности в повествование:

- 1) «Происходящее» (der Fall) — это то, что происходит в реальности «вне антропоморфной картины мира»², то есть живой, энергоматериальный, континуальный и недискретный поток истории, на который ещё не направлено сознание человека;
- 2) «Событие» (die Sachverhalt) — это тот же самый поток происходящего, на который направлено сознание человека. Здесь появляется дискретность, так как сознание формирует понятие о вещах, ситуациях, действиях. Оно словно накладывает на происходящее матрицу понятийно-терминологического аппарата. Называет предметы, определяет между ними границы, устанавливает между ними определённые взаимоотношения;
- 3) «Факт» (die Tatsache) — это наиболее значимые аспекты событий. Дело в том, что о любом событии можно говорить до бесконечности, так как оно имеет огромное число характеристик. Однако наше сознание выделяет лишь самое характерное. Вот это характерное и есть факт;
- 4) «Текст». Из фактов состоят нарративные ситуации, которые отражаются в тексте при помощи системы знаков.

Подобную закономерность, отражающую движение от происходящего к факту, можно видеть на примере самых разных текстов, в том числе евангельских.

В качестве примера обратимся к истории Спасителя. Происходящее в данном случае — всё то, что произошло со Христом за всё время Его жизни на земле. Вот как апостол Иоанн пишет лишь о периоде Его служения:

«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21, 25).

- 2 Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. Москва, 2018. С. 255.

События — те произошедшие ситуации, которые оказались в поле зрения конкретного евангелиста. Например, Матфей и Лука, говоря о детстве Христа, из массы произошедших событий выбирают лишь некоторые, причём у каждого свой набор: Матфей говорит о благовестии Иосифу, о волхвах, об Ироде, об избииении младенцев, о бегстве в Египет; Лука — о благовестии Богородице, явлении ангелов пастухам, обрезании Спасителя. Говоря о событиях жизни Христа, евангелисты делают акцент лишь на тех сторонах, которые для них наиболее значимы. Очевидно, что Матфей не передаёт в деталях весь диалог волхвов и Ирода, но упоминает лишь самые значимые моменты. Также он не описывает всё путешествие волхвов ко Христу. То, что он выбирает для описания из многогранного события, и есть **факт**. Факт фиксируется в тексте при помощи **системы знаков**. Можно предположить, что в случае с Лукой это был греческий язык, в случае с Матфеем — еврейский или арамейский.

Таким образом, до того момента, как появился текст, наше сознание совершило ряд сложных герменевтических операций с реальностью. Для каждого этапа эти герменевтические операции будут иметь свои характеристики.

Поскольку авторы Евангелий были свидетелями одних и тех же событий, нас интересует, каким правилам подчинялась их герменевтическая активность, когда они переходили от «события» к «факту». Это может помочь нам в ответе на вопрос, почему «события» одни и те же, а «факты», отображённые в тексте, отличны друг от друга.

Тезис 2. Одно и то же событие можно отобразить с разной степенью полноты

В связи с этим необходимо обратить внимание на две важные категории нарративного текста: размерность и фрагментация.

Размерность. Итак, любое событие реальности, о котором мы хотим рассказать, имеет массу характеристик, а потому его можно бесконечно расчленять на всё более мелкие элементы. Как замечает В. Шмид, «история, даже при самой скрупулёзной описательности, никогда не сможет содержать столько элементов и определений, сколько содержат сами события»³. По его словам, повествование — это всегда «результат смыслопорождающего отбора *ситуаций, лиц, действий и их свойств* из неисчерпаемого множества элементов и качеств событий»⁴.

3 Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. С. 168.

4 Там же. С. 158.

Если бы евангелисты захотели во всех подробностях описать хотя бы одно чудо Спасителя, они делали бы это бесконечно долго. Ведь всё произошедшее можно было бы описывать вплоть до самых мельчайших деталей, вплоть до того, что разложить участников события на атомы и дать каждому мельчайшему элементу подробную характеристику. Однако они этого не делали. Они выбирали самые существенные факты, то есть информация о событии в каждом случае имеет определённый объём. Этот объём и называется размерностью. Итак, размерность повествования — это «степень покрытия ситуации названными фактами»⁵.

«Размерность лежит в основе любого высказывания и любого текста»⁶. Если мы говорим об одном событии бесконечно долго, перечисляя множество фактов, из которых оно состоит, размерность стремится к максимуму. Если говорим кратко, размерность стремится к минимуму.

В повествовательном тексте стремление к максимуму видно тогда, когда появляются детали, которые начинают выходить за пределы данного события и формируют ощущение переизбытка информации. Стремление размерности к минимуму видно в случае резюме.

Сравнивая синоптические Евангелия, мы видим, как авторы выбирают разную степень размерности при описании одного и того же события. Так, например, завершая блок, в котором предлагаются притчи Христа о Царстве Небесном, Матфей резюмирует: *«Все сие говорил Иисус народу притчами и без притчи не говорил ничего им»* (Мф. 13, 34), а Марк добавляет (увеличивает размерность): *«И таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать. Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине разъяснял все»* (Мк. 4, 34).

Таблица 1. Притчи о Царстве Небесном

Мф. 13, 34	Мк. 4, 34
«Все сие говорил Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил ничего им»	«И таковыми многими притчами проповедовал им слово, <u>сколько они могли слышать</u> . Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине разъяснял все»

Разную степень размерности выбирают Марк и Лука, когда говорят о шествующих в Эммаус.

5 Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно. С. 257.

6 Там же. С. 263.

Таблица 2. *Явление Воскресшего двум ученикам на пути в Эммаус*

Мк. 16, 12.13	Лк. 24, 13–35
<p>«После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвести прочим; но и им не поверили»</p>	<p>«В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его.</p>

Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать апостолов и бывших с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был узан им в преломлении хлеба»

Версия Марка, по сравнению с версиями искушения Христа в пустыне Матфея и Луки, имеет характер резюме.

Таблица 3. Искушение Христа в пустыне

Мк. 1, 12.13	Мф. 4, 1-11	Лк. 4, 1-13
<p>«Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями; и Ангелы служили Ему»</p>	<p>«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего.</p>	<p>«Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим. И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое.</p>

Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему»

Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи. И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего. И, окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени»

Наряду с размерностью повествования можно говорить о его фрагментации. Поскольку мы не называем все факты ситуации (уменьшение размерности), часть из них остаётся неназванной. Как говорил Роман Ингарден, в литературном произведении мы можем найти огромное количество лакун, умолчаний или «неопределённых мест». Их наличие становится основанием для фрагментации. Между фактами всегда есть зазор.

Фрагментация и размерность находятся в обратной зависимости: чем выше размерность, тем меньше фрагментация, и наоборот.

Так, Матфей и Лука в рассказе об искушениях в пустыне стремятся как можно детальнее описать реальность. Соответственно размерность стремится к максимуму, а фрагментация уменьшается. В рассказе Марка фрагментация реальности выше, поскольку ниже размерность. У Марка больше лакун.

Недостающие факты, если это необходимо, могут быть воссозданы привлечением синтекста (то есть параллельных рассказов о событии). В этом случае говорят о дефрагментации нарратива. Яркий пример — интерпретация библейского текста, в частности та, которую мы встречаем в традиции агадических мидрашей. Экзегет восполняет повествовательные лакуны при помощи альтернативных исторических нарративов, которые имеют характер преданий и легенд. Например, в истории Авраама не говорится, что он делал в период своего пребывания в Харране. Это

повествовательная лакуна. Экзегеты восполняют эту лакуну, обращаясь к Агаде, которая рассказывает, что он был уважаемым человеком, жил в Дамаске и даже возглавлял местное войско. То же самое мы видим и при сравнении евангельских историй.

Итак, описывая одни и те же события, авторы выбирают разную степень размерности и фрагментации, поэтому их повествования выглядят отличными друг от друга. Но это не всё. Разница между повествованиями обусловлена ещё и рядом нарративных параметров. На один из ключевых нам поможет указать история об исцелении слуги капернаумского сотника, описанная в Евангелии от Матфея и Луки.

Таблица 4. *Исцеление слуги капернаумского сотника*

Мф. 8, 5–13	Лк. 7, 1–10
<p>«Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его. Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо и я подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час»</p>	<p>«Когда Он <u>окончил все слова Свои к слушавшему народу</u>, то вошел в Капернаум. У одного сотника слуга, которым он дорожил, был болен при смерти. Услышав об Иисусе, <u>он послал к Нему Иудейских старейшин</u> просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его. И они, придя к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу. Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, <u>сотник прислал к Нему друзей</u> сказать Ему: не трудись, Господи! <u>ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным прийти к Тебе</u>; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: <u>сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры. <u>Посланные, возвратившись в дом, нашли больного слугу выздоровевшим</u></u>»</p>

Из сопоставления этих двух историй мы видим, что рассказ об одном и том же событии у Матфея и Луки имеет разную степень размерности и фрагментации. По сути, повествование Луки стремится к максимальной размерности по сравнению с историей Матфея. Версия Матфея фрагментирована в большей степени. Казалось бы, противоречие снимается, если принять, что рассказ Луки — это дефрагментация версии Матфея, поскольку предлагает нам более подробное описание события, восполняя недостающую информацию. Однако здесь мы встречаемся с иной проблемой. Дело в том, что факты двух повествований указывают на события, которые вроде бы явно противоречат друг другу. В версии апостола Матфея, происходит личная встреча сотника со Спасителем. Апостол Лука сообщает о двух делегациях, посланных сотником: сначала иудейские старейшины, а потом и друзья, которые ходатайствуют за благочестивого центуриона. Но самое важное, Лука делает особый акцент на том, что личной встречи между Спасителем и воином не произошло. Более того, объясняется причина этого: сотник считает себя недостойным, чтобы великий Учитель пришёл к нему в дом. Он, как истинно верующий и соблюдающий традиции иудейской религии, прекрасно знает, что правоверный иудей не может входить в жилище к необрезанному.

Можно ли снять это противоречие, не обращаясь к историческому контексту? Наблюдение за закономерностями того, как отображаются события в повествовании, позволяет нам это сделать.

**Тезис 3. Один и тот же факт можно отобразить
с разной степенью конкретности**

Дело в том, что один и тот же факт, а также их совокупность, формирующая ситуацию, могут быть представлены в тексте по-разному, а именно, они могут иметь разную степень конкретности. А. В. Глазков предлагает выделять четыре возможных случая⁷.

- 1) Тексты, представляющие конкретную (актуальную) ситуацию. Это рассказ о том, что происходит «здесь и теперь». Яркий пример — запись в блоге или репортаж с места события. Конкретность и наглядность факта, высокая степень его детализации — на первом месте. В случае с Писанием в тексте

7 См.: Глазков А. В. Ситуация и текст: о типологии фактуальных текстов // Преподаватель XXI века. Языкознание и литературоведение. № 2 (4). С. 578–588.

могут присутствовать маркеры, свидетельствующие о том, что автор был участником событий.

- 2) Тексты, представляющие конкретную ситуацию с расширением во времени и/или модальности. Эти описания предполагают большую степень обобщения фактов. Оно осуществляется за счёт обобщения, типизации и снижения детализации происходящего.

Таблица 5. Усмирение бури

Мф. 8, 23–27	Мк. 4, 35–41	Лк. 8, 22–25
<p>«И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем. И говорит им: что вы так боязливый, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?»</p>	<p>«Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, <u>с Ним были и другие лодки.</u> И поднялась великая буря; <u>волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою.</u> А Он <u>спал на корме на возглавии.</u> Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру <u>и сказал морю: умолкни, перестань.</u> И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливый? как у вас нет веры? И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?»</p>	<p>«В один день Он вошел с учениками Своими в лодку и сказал им: переправимся на ту сторону озера. И отправились. Во время плавания их Он заснул. На озере поднялся бурный ветер, и заливало их волнами, и они были в опасности. И, подойдя, разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина. Тогда Он сказал им: где вера ваша? Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?»</p>

Из данного сопоставления видно, что повествование Марка в большей степени конкретно, чем повествование Матфея и Луки, за счёт детализации происходящего (упоминание

о подробностях, в которых нет необходимости для развития сюжета), а также за счёт использования прямой речи.

- 3) Тексты, представляющие ситуационный тип с формированием потенциальной ситуации. В данном случае скорее конкретная ситуация может быть приложена к тексту, нежели в тексте отражается конкретная ситуация. С подобным мы встречаемся в разного рода инструкциях. Автор прошёл определённый путь и теперь рассказывает о том, как его пройти читателю. Изложенные факты даны в очень обобщённом виде и призваны формировать будущее читателя. В случае с библейским текстом речь может идти о разного рода пророчествах. С одной стороны, они очень обобщённо излагают события; с другой, Господь показывает, как следует себя вести в этих ситуациях, например, пророчества о падении Иерусалима (см.: Мф. 24, 1–28; Мк. 13, 1–23; Лк. 21, 5–24).
- 4) Тексты, представляющие ситуационную модель. В данном случае текст описывает то, что может произойти. И если это происходит, оно может быть описано таким текстом. Пример подобного типа текстов — разного рода законодательства с их формулой «если <...>, то», например, заповеди Спасителя о гневе и прелюбодеянии (см. Мф. 5, 22.27). Степень условности здесь максимальная.

Как бы то ни было, важно учитывать то, что в описании одного и того же факта/ситуации существует движение по шкале «конкретность — типичность»: от описания предельно конкретной, уникальной ситуации к универсальной ситуативной модели, которая содержит в самом общем виде черты множества конкретных ситуаций. Другими словами, по мере перехода на более высокий уровень обобщения происходит редукция информации (уменьшение конкретики). На уровне языковой формы следствием содержательной редукции является то, что слова и выражения могут использоваться в своём непрямом значении. Так, например, можно сказать: «Бог дал Моисею закон, а тот передал его евреям», а можно: «Бог дал Израилю закон». Во втором случае не только часть информации редуцирована, но и вместо отдельных «Моисей» и «евреи» используется общее «Израиль», то есть в основе обобщения на уровне формы выражения лежит механизм метонимического переноса: общее «Израиль» вместо частей этого общего «евреи» и «Моисей». Тексты могут иметь смешанный характер. Таким

образом, нарративная ситуация может состоять из фактов, представленных с разной степенью конкретности.

Через призму этого знания возможно объяснить «противоречия» между рассказами евангелистов об исцелении слуги сотника. Если рассказ Луки тяготеет к полюсу конкретности (это описания с позиции «здесь и сейчас»), то версия Матфея описывает ту же ситуацию с более удалённой дистанции, что неизбежно приводит к типизации и обобщению фактов. Его версия напоминает скорее резюме истории, нежели её подробное описание во всех деталях. Это не конкретная ситуация, а её синтаксическая модель, которая тем не менее имитирует конкретную. Однако мы этого не ощущаем, так как на уровне языковой формы не распознаём метонимический перенос, используемый Матфеем: образ самого сотника заменяет представителей двух делегаций, которые в версии Луки обращались ко Христу от его имени. Матфей, как ответственный рассказчик, который желает убедительно передать слушателям суть происходящего, делает всё, чтобы его рассказ выглядел максимально реалистичным и конкретным, даже несмотря на то, что в его версии присутствуют некоторые обобщения.

Подобный случай находим в евангельских описаниях входа Господня в Иерусалим. Фабулы повествований в целом совпадают. Единственное, что сразу бросается в глаза: по-разному описаны детали события, связанные с ослёнком, на котором едет Спаситель. У синоптиков Христос посылает на поиски осла двух учеников. При этом Он снабжает их чёткими инструкциями, где искать ослёнка и что говорить его хозяину (см.: Мф. 21, 1–3; Мк. 11, 1–3; Лк. 19, 29–31). У Иоанна видим краткое:

«Иисус же, найдя молодого осла, сел на него» (Ин. 12, 14).

Здесь не упоминаются посредники, только Иисус (Который, если верить синоптикам, Сам ослёнка не искал) и объект действия. При этом читатель, знакомый с синтекстом, автоматически дефрагментирует выражение: *«Иисус же, найдя молодого осла»* — с учётом параллельных евангельских повествований, то есть воспринимает её как метонимическое описание, а не буквально.

Возникает следующий важный вопрос: по какой причине у нас, как у читателей, когда мы знакомимся с версией Луки и Матфея по отдельности, не возникает ощущение того, что «что-то с этим рассказом не так»? Это ощущение возникает лишь тогда, когда мы сравниваем две версии друг с другом, ибо только в этом случае можно увидеть

определённые нестыковки. Но после прочтения каждой из историй по отдельности не возникает, с одной стороны, ощущения недоговорённости и недосказанности, с другой стороны, ощущения избыточности: читатель не находит в них ничего лишнего, что требовало бы пояснения, причём вплоть до того, что можно допустить мысль о том, что это описание двух разных случаев.

Тезис 4. В своём повествовании автор стремится к целостности

Целостность — это важная эстетическая категория. Она предполагает, что любое произведение искусства, в том числе литературный текст, — это самостоятельное, законченное целое, обладающее предметно-смысловой завершёностью. Наличие, отсутствие и расположение элементов способствует тому, чтобы полностью выражать идею произведения, которая отражается в целом⁸. Каждая часть повествования существует благодаря лежащему на ней отпечатку целого, то есть соотносится с общим замыслом произведения, присутствующим в каждом фрагменте текста.

О целостности как о важном свойстве литературного произведения писал ещё Аристотель в «Поэтике»:

«Части событий должны быть так сложены, чтобы с перестановкой или изъятием одной из частей менялось бы и расстраивалось целое, ибо то, присутствие или отсутствие чего незаметно, не есть часть целого»⁹.

Говоря простым языком, в подлинном произведении искусства всё на своём месте, как говорится, ни убавить, ни прибавить. С одной стороны, в целостном повествовании нет ничего лишнего, избыточного, с другой, оно ни в чём не нуждается, то есть «представленная

8 По словам Ю. М. Лотмана, «идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, который не понимает этого и ищет идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет план, начал бы ломать стены, в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стенах, а реализован в пропорциях здания» (Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург, 2015. С. 20–21).

9 *Aristoteles*. *Poetica* 8, 32–35 [1451a]: «μῖας τε εἶναι καὶ ταύτης ὅλης, καὶ τὰ μέρη συνεστάναι τῶν πραγμάτων οὕτως ὥστε μετατιθεμένου τινὸς μέρους ἢ ἀφαιρουμένου διαφέρεισθαι καὶ κινεῖσθαι τὸ ὅλον· ὃ γὰρ προσὸν ἢ μὴ προσὸν μηδὲν ποιεῖ ἐπίδηλον, οὐδὲν μόριον τοῦ ὅλου ἐστίν». Рус. пер.: *Аристотель*. Риторика. Поэтика. Москва, 2007. С. 176.

информация не может вызвать у читателя представления о некоторой недоговорённости и, более того, создать предположения о том, что осталось несказанным»¹⁰. В литературе этот принцип целостности выражен в известной максиме А. П. Чехова: «Если в первом акте пьесы на стене висит ружьё, то в последнем оно обязательно выстрелит». Если в повествовании появляется лишняя деталь или исчезает необходимая, то наступает дисгармония, дисбаланс, и можно говорить о нарушении целостности, о неспособности произведения адекватно передать авторский замысел.

Прочитанные независимо друг от друга истории о капернаумском сотнике у Луки и у Матфея самостоятельны и самодостаточны. В обоих случаях они обладают таким свойством, как целостность. Именно по этой причине, прочитав каждую из них по отдельности, у нас не возникает ощущения недосказанности или избытка информации (противоречия обнаруживаются лишь в синтексте). Евангелисты, выбирая степень размерности и конкретности, стремятся, чтобы их повествования были целостными. Лишь в этом случае каждый элемент рассказа будет работать на главное, а повествования в целом смогут достичь своей цели.

В связи с этим появляется последний вопрос: что является этим главным? Иными словами, чем же руководствуется автор, когда выбирает степень полноты описания (размерность/фрагментация), степень его конкретности (конкретность/типичность), чтобы его повествование было целостным?

Тезис 5. Параметры повествования обусловлены авторскими сотериологическими задачами

Применительно к Священному Писанию можно смело утверждать, что цель его повествования — привести людей, которым оно адресовано, ко спасению. Библейское повествование сотериологично. Именно данной целью определяются конкретные параметры повествования. Об этом прямо пишет Иоанн Богослов в Евангелии:

«Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20, 30.31).

10 Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно. С. 264.

Д. С. Леонардов замечает по этому поводу:

«Сообразно своей цели, служить спасению людей, Священное Писание избегает лишних подробностей, посторонних сообщений. Слово Божие кратко, точно, беспристрастно. В нём не замечено обычая рассказывать обо всём подробно. Начиная обыкновенно с того, что по содержанию наиболее важно, Священное Писание прочее предоставляет рассмотрению тех, которые имеют к тому доброе расположение. В качестве образца краткой и сжатой речи Златоуст справедливо указывает повествование Моисея о миротворении. Пророк не говорит о каждом творении в отдельности, не перечисляет всех творений по порядку, но упоминает только о главных <...> Всё лишнее, не относящееся к существу поставленной задачи, оставляется богодухновенным писателем <...> То же необходимо сказать и о всех прочих Св. Писаниях»¹¹.

Это цель рассказа предполагает его ориентацию на определённого читателя. Евангелисты выбирают разные параметры повествования, делая акцент лишь на самом значимом для конкретной общины, образ которой, согласно положениям нарративного подхода, также можно реконструировать из текста.

Так из самого повествования очевидно, что апостол Матфей, писал Евангелие для христиан из иудеев, поэтому в рассказе о капернаумском сотнике он делает акцент, в первую очередь, на самом факте чуда, а также на неверии религиозных лидеров еврейского народа, которые не приняли Мессию. Сами подробности чуда остаются для него в стороне. Апостол Лука пишет Евангелие для язычников, поэтому стремится возвеличить веру не иудея. Отсюда постоянные упоминания о благочестии Луки (построил синагогу, считает себя недостойным), которые звучат из уст разных людей, а также акцент на таком сильном его доверии Богу, что он не имел необходимости встречать Его лично. Это помогает Луке показать, что язычники достойны Царства наравне с иудеями и сами события евангельской истории являются тому ярким свидетельством.

11 Леонардов Д. С. Учение святителя Иоанна Златоуста о богодухновенности Библии // Вера и разум. 1912. № 4. С. 441–442.

Выводы

- 1) Евангельские повествования — это всегда результат «смыслопорождающего отбора ситуаций, лиц, действий их свойств из неисчерпаемого множества элементов и качеств событий»¹². Иными словами, это интерпретация библейскими авторами исторической действительности (жизни Спасителя).
- 2) Интерпретируя действительность, автор производит отбор материала/фактов для своей истории. При этом он совершает такие герменевтические операции, как выбор размерности/фрагментации, конкретности/типичности.
- 3) Результатом его работы становится повествование, обладающее важной характеристикой целостности: целостное повествование способно непротиворечиво выражать определённую идею через совокупность всех своих разноуровневых и разнородных элементов.
- 4) Выбор указанных параметров повествования обусловлен его сотериологическими задачами, а также ориентацией на читателя, образ которого предлагает сам текст.
- 5) Наконец, важно отметить, что поскольку подобная концептуализация реальности преследует сотериологические цели, это не просто сугубо рациональная процедура. Определение степени размерности, фрагментации, сообщение целостности повествованию — результат совместной работы человека и Бога, которая подразумевает не только герменевтическую активность человека, но и смыслопорождающую активность Святого Духа (ἀνάμνησις).

Таким образом, мы видим, что литературный, в частности нарративный, анализ предлагает исследователю достаточный арсенал для того, чтобы разрешить ряд вопросов, связанных с синоптической проблемой, не обращая напрямую к реконструкции культурно-исторического контекста, но учитывая основные законы, по которым живёт любое повествовательное произведение.

Источники

Aristoteles. Poetica // Aristotelis De arte poetica liber / ed. I. Bywater. Oxonii; Londini; Novi Eboraci: E Typographeo Clarendoniano; Apud Galfridum Cumberlege, 1911. (Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis). [1447a — 1462b.]

Аристотель. Риторика. Поэтика. Москва: Лабиринт, 2007.

Литература

Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. Москва: ДеЛибри, 2018.

Глазков А. В. Ситуация и текст: о типологии фактуальных текстов // Преподаватель XXI века. Языкознание и литературоведение. 2016. № 2 (4). С. 578–588.

Леонардов Д. С. Учение святителя Иоанна Златоуста о богодухновенности Библии // Вера и разум. 1912. № 4. С. 429–448.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург: Азбука, 2015.

Михаил (Лузин), архим. О Евангелиях и евангельской истории. По поводу книги «Жизнь Иисуса» соч. Э. Ренана. Москва: Университетская тип. (Катков и К^о), 1870.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003.